

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2023 Том 28, №4

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2023

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2023 Том 28, № 4

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

- Казанцева О. А.* Сандиякское городище — памятник раннего Средневековья бассейна Камы 7
- Захаров С. В.* Каменный жезл с человеческой личиной из погребения в курганный группе Майское V 27
- Серегин Н. Н., Матренин С. С.* Социальная планиграфия некрополя предтюркского времени Чобурак-I (Северный Алтай).....44

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- Бичеев Б. А., Тюмидова М. Е.* Ойратский текст «Руководство к практике Прибежища» (психотехника визуализации объектов поклонения) 59
- Кубаев С. Ш.* Появление и развитие отопительных систем на территории Узбекистана 73
- Ожередов Ю. И., Ярзуткина А. А.* «Держатель силы». Мухомор в чукотской культуре 84
- Аюпов Т. М.* Генеалогические предания — ценный источник изучения кыргызско-башкирских историко-культурных связей 110

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- Головнев Г. А.* Амбивалентное отношение к «внешнему» миру нового религиозного движения «Свидетели Иеговы» 122
- Набиев Р. А., Ибрагимов М. И.* Понятие блага в авраамических религиях в контексте социального служения 134
- Слезин А. А.* Внедрение новых обрядов в русской деревне 1920-х гг. как фактор эволюции взаимоотношений крестьянских поколений 147

ДЛЯ АВТОРОВ 163

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

2023 Vol. 28, №4

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

Kazantseva O. A. Sandiyak hillfort is a monument of the early middle ages of the Kama basin.....	7
Zakharov S. V. Stone rod with a human mask from a burial in the Mayskoye V burial mound group	27
Seregin N. N., Matrenin S. S. Social planigraphy of the preturkic period necropolis of Choburak-I (Northern Altai).....	44

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Bicheev B. A., Tyumidova M. E.</i> The oirat text, “A guide to refuge practice” (psychotechnic technique of visualization of objects of worship)	59
<i>Kubaev S. Sh.</i> Emergence and development of heating systems on the territory of Uzbekistan	73
<i>Ozheredov Y. I., Yarzutkina A. A.</i> ‘Holder of strength’. Muskrat in Chukotka culture.....	84
<i>Ayupov T. M.</i> Genealogical legends are a valuable source for studying the historical and cultural ties of Kyrgyz-Bashkir	110

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

<i>Golovnev G. A.</i> Ambivalent attitude to ‘the world’ in the organization Jehovah’s Witnesses	122
<i>Nabiev R. A., Ibragimov M. I.</i> The concept of good in abrahamic religions in the context of social service.....	134
<i>Slezin A. A.</i> Introducing new rituals in the Russian village of the 1920s as a factor in the evolution of the relationship between peasant generations.....	147
FOR AUTHORS	163

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 904

DOI 10.14258/nneur(2023)4–01

О. А. Казанцева

Удмуртский государственный университет, Ижевск (Россия)

САНДИЯКСКОЕ ГОРОДИЩЕ — ПАМЯТНИК РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ БАСЕЙНА КАМЫ

В статье рассматриваются результаты рекогносцировочных работ на Сандиякском городище в Куединском районе Пермской области, проведенные Бардымским отрядом Камско-Вятской археологической экспедиции Удмуртского государственного университета (УдГУ, Ижевск) под руководством автора публикации. Памятник датируется IV–VIII вв. Источниками работы являются неопубликованные материалы археологических раскопок 1987 г. Представлены результаты исследования массового материала — лепной керамики и описание вещевого инвентаря, определено место городища среди древних объектов Прикамья.

На основе сравнительно-статистического и стилистического метода Е. В. Волковой (ИА РАН, Москва), применяемых в исследовании лепной глиняной посуды, высказана мысль о двух комплексах керамики на памятнике: бахмутинском и посуде кушнаренковского типа как предмете импорта, а также посуде — подражании ей. Даны результаты остеологического анализа костей животных. Городище, расположенное в лесной зоне Предуралья, вероятно, оставлено смешанным в этническом плане населением.

Ключевые слова: Среднее Прикамье, IV–VIII вв., Сандиякское городище, материальная культура и занятия населения, миграции.

Цитирование статьи:

Казанцева О. А. Сандиякское городище — памятник раннего Средневековья бассейна Камы // *Народы и религии Евразии.* 2023. Т. 28, № 4. С. 7–26.

DOI 10.14258/nneur(2023)4–01.

O. A. Kazantseva

Udmurt State University, Izhevsk (Russia)

SANDIYAK HILLFORT A MONUMENT OF THE EARLY MIDDLE AGES OF THE KAMA BASIN

The article discusses the results of reconnaissance work on the Sandiyak hillfort in the Perm region (Kuedinsky district), conducted by the Bardym detachment of the Kamsko-Vyatka archaeological expedition of the UdGU (Izhevsk) under the guidance of the author. The monument dates from the IV–VII centuries. The sources of the work are unpublished archaeological materials from excavations in 1987. The results of the study of mass material — molding ceramics — and a description of the inventory are presented, the place of the settlement among the ancient objects of the Kama region is determined.

Based on the comparative statistical and stylistic method of Helen V. Volkova (Institute of the Archaeology of Russian Academy of Sciences, Moscow) of studying molded pottery, the idea of two complexes of ceramics on the hillfort is expressed. Bakhmutinsky and Kushnarenkovsky type dishes as an import item, as well as dishes-imitation of it. The results of the osteological analysis of animal bones are given. The hillfort, located in the forest zone of the PreUrals, probably was left by the ethnically mixed population.

Key words: Middle Kama River, IV–VIII centuries BC, Sandiyak hillfort, material culture and occupation of the population.

For citation:

Kazantseva O. A. Sandiyak hillfort is a monument of the early middle ages of the Kama basin. Nations and religions of Eurasia. 2023. Vol. 28. No 4. P. 7–26. DOI10.14258/nreur(2023)4–01.

Казанцева Ольга Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии Института истории и социологии Удмуртского государственного университета, Ижевск (Россия). **Адрес для контактов:** kazantsevaolga@yandex.ru.

Kazantseva Olga Alekseevna, Candidate of Historical Science, Department of History of Udmurtia, Archaeology and Ethnology of Udmurtia of the Institute of History and Sociology at the Udmurt State University, Izhevsk (Russia). **Contact address:** kazantsevaolga@yandex.ru.

Введение

В отечественной археологической науке учеными рассматриваются возможные миграции раннесредневекового населения Западной Сибири и Предуралья. В этом плане были изучены керамика и погребальный обряд населения бакальской археологиче-

---

ской культуры [Матвеева, Зеленков, 2018: 71–85]. Н. П. Матвеева высказывает точку зрения о существовании кушнаренковского типа керамики, а не культуры, аргументируя мысль тем, что ее изготовлением не могли заниматься любые гончары, а только те, кто специализировался на ее лепке [Матвеева, 2021: 68–77]. В процентном отношении такой тип керамики имеет неодинаковое количество и соотношение среди остальной посуды на памятниках различных территорий. В решении подобных вопросов значительную роль играет анализ керамики поселений юга Удмуртии, северо-востока Башкирии и юга Пермского края, содержащих в своих материалах керамику, имеющую сходные форму и орнамент с посудой объектов Западной Сибири. Одним из таких поселений является Сандьякское городище, расположенное в Пермском крае.

Целью статьи является введение в научный оборот материалов Сандьякского городища раскопок 1987 г., задачами — анализ глиняной посуды, вещевого инвентаря, определение остеологической коллекции и даты памятника.

История изучения памятника

Объект был выявлен в 1924 г. И. С. Поповым [Попов, 1924: 91–92]. Автор, упоминая городище Осинского уезда, дал обстоятельную характеристику как топографии, указав размеры площадки памятника, так и находкам: «...вся площадь вершины оказалась усеянной черепками посуды» [Попов, 1924: 91].

А. В. Шмидт, анализируя лепную керамику, отнес глиняную посуду Сандьякского городища к чандарскому типу [Шмидт, 1929: 25].

В Материалах к археологической карте отмечено: «По своему составу керамика довольно разнообразна... Для большинства обломков характерны беспорядочно расположенные углубления» [Материалы..., 1952: 83].

В 1963 г. раскопки на городище проводила И. С. Поносова, заложив шурфы в разных частях территории памятника и раскоп в северной части, площадью 112 кв. м [Поносова, 1964]. В статье Ирина Сергеевна представила основные итоги исследований объекта, характеризуя топографические особенности и материальную культуру его населения [Поносова, 1968: 99–110].

Краткие сведения о городище имеются в каталоге памятников истории и культуры Пермской области, где сообщаются сведения о мощности культурного слоя — 0,2–1,2 м, площади — 4 тыс. кв. м, остатках жизнедеятельности человека (очаги, хозяйственные ямы), датировке городища — V–VII вв., обозначена его принадлежность к бахмутинской культуре. Площадка памятника «...была искусственно подсыпана, а северный склон укреплен частоколом и накатом из бревен» [Памятники..., 1976: 32]. В другом издании указана дата городища — IV–VIII вв., культурная принадлежность — бахмутинская культура [Памятники ..., 1996: 85].

При исследовании млекопитающих по материалам памятников Среднего Поволжья и Верхнего Прикамья упоминаются результаты изучения коллекции Сандьякского городища, памятник отнесен к бахмутинской культуре [Андреева, Петренко, 1976: 150–151].

В 1987 г. Бардымский отряд Камско-Вятской археологической экспедиции Удмуртского государственного университета провел рекогносцировочные раскопки памятника [Казанцева, 1987: 24–29]. Вскрыто 36 кв. м, получен разнообразный материал: керамика, вещи, шлаки, остеология. Необходимость раскопок была вызвана письменным

обращением местных жителей (учитель истории, краевед Урталгинской школы Р. В. Рязанова) в УдГУ о том, что памятнику грозит уничтожение. Осмотр территории городища не подтвердил эту информацию, но раскопки состоялись. Анализ керамики позволил датировать городище VI–VII вв [Казанцева, 1987: 29].

В 2008 г. в рамках мониторинга состояния Сандьякского городища работы проводил А. В. Богданов, в результате была зафиксирована неудовлетворительная сохранность укрепленного поселения [Богданов, 2009а: 74–75; 2009б: 327, 368–374]. Объект является памятником археологии федерального значения согласно системе учета историко-культурного наследия Пермского края. На площадке городища в юго-восточной и северной частях археологами было отмечено несколько ям, вероятно, грабительских, и дано описание вала. GPS координаты памятника — N56°25'85,5" E055°27'77,1" [Богданов, 2009а: 74].

В 2021 г. на памятнике были уточнены оборонительные сооружения. «У подножья вала-эскарпа (высота достигает 5 м) вырыт ров, с внешней стороны которого имеются следы гласисовидной насыпи. Подобная конструкция также охватывает часть восточного склона в том месте, где он наиболее покатый. ... С внутренней стороны площадки следы вала фиксируются очень слабо в виде узкой насыпи (1,5–2 м) высотой не более 0,5 м». Сделан вывод о характерном устройстве памятника как башкирского средневекового городища [Колонских, 2021: 59–60].

Название городища происходит от деревни Сандьяк, но в публикациях встречается написание «Сандияг» [Памятники ..., 1976: 32]. «Сандыр як» с удмуртского языка переводится как «лес Сандыра» [Петрова-Нуриева, 2009: 28–29]. Интересно устное сообщение А. С. Мавликаевой (директор краеведческого музея с 2003 по 2010 г., с. Барда): «в Сандьяке раньше жили удмурты (закамские. — О. К.), сейчас деревня исчезла. Они были язычниками, поклонялись деревьям и камням, рядом с Сандьяком были три могилы «Аулиялэр кабере», могильным камням они тоже поклонялись. Башкиры-мусульмане ходили в мечеть. Они называли удмуртов за то, что они были язычниками и поклонялись деревьям, камням ... «сантыйлар» — бестолковые, «як» — сторона. «Сантый» — ед. число, «сантыйлар» — множ. число, поэтому так и называли деревню Сандьяк — «Сантый як» [Мавликаева, 2021].

Общая характеристика памятника и его объектов

Сандьякское городище (рис. 1) расположено в 2 км к северо-западу от с. Урталга, в 300 м от фермы и в 200 м к северо-востоку от д. Сандьяк, на правом берегу р. Буй, левого притока Камы, в Куединском районе Пермской области [Казанцева, 1987: 24]. Памятник занимает вершину мыса высотой 18 м, вытянутого на северо-восток — юго-запад, имеющего седловидную форму. Южные и северные концы площадки слегка возвышены, а середина понижена. У подножия мыса протекает безымянный ручей, огибающий его с западной и южной сторон. На крутых, покрытых смешанным лесом северных склонах мыса прослеживаются небольшие уступы, расположенные с трех сторон ниже площадки городища. Размеры памятника составляют 240 м по оси север — юг и 80–120 м по оси запад — восток. В южной части зафиксирован вал высотой около одного метра. В восточной части памятника располагается терраса на уровне 8 м ниже основной, ее размеры — 80 м по линии север — юг, около 30 м по линии запад — восток. Площадь городища составляет около 6 га [Богданов, 2008а: 74–75; 2008б: 369–374].

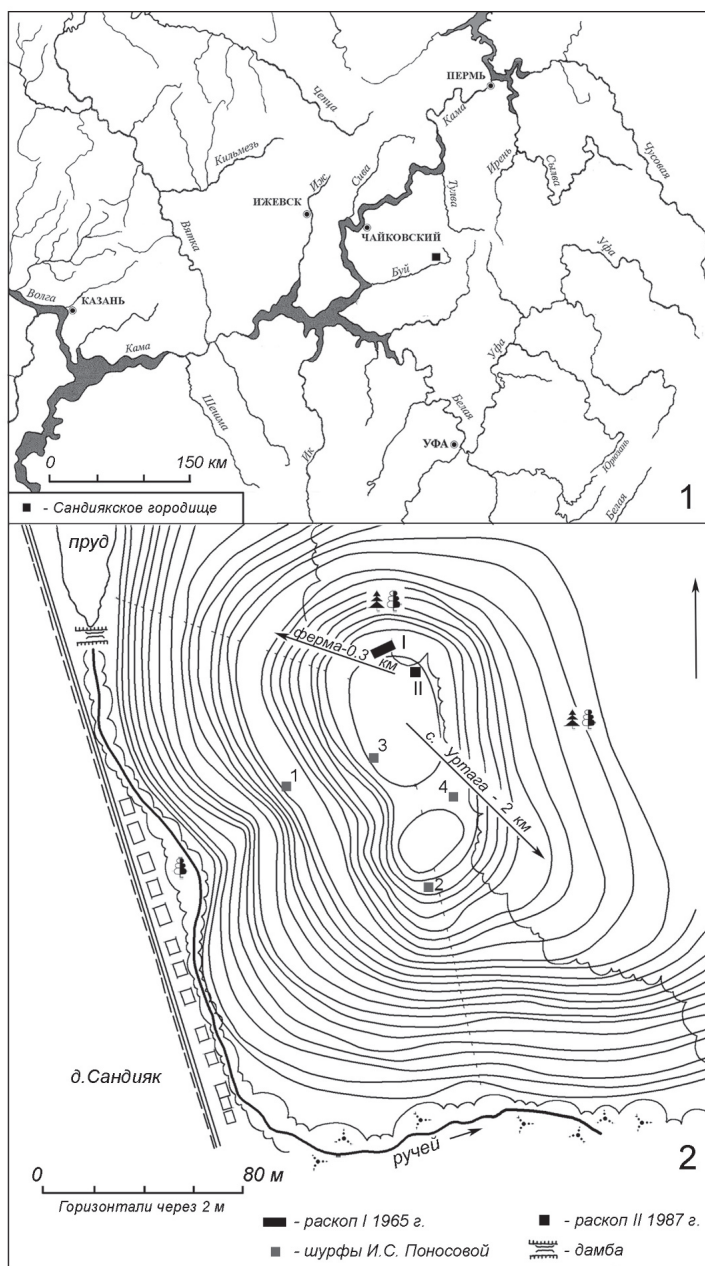

Рис. 1. Сандиякское городище: 1 – Расположение памятника; 2 – Топографический план
 Fig. 1. Sandiyak hillfort: 1 – Location of hillfort; 2 – Topographic plan

Раскоп 1987 г., ориентированный по сторонам света, был заложен в северной части памятника, юго-восточнее раскопа И. С. Поносовой [Казанцева, 1987: 24–25]. Площадка памятника была открытая, относительно ровная, поросла травой.

Городище исследовалось по общепринятой методике изучения поселений. Изучение культурного слоя проводилась горизонтами по 10 см. Измерения вычислены от уровня современной поверхности. В чертежах бортов раскопа цифры от условного нуля обозначены в круглых скобках.

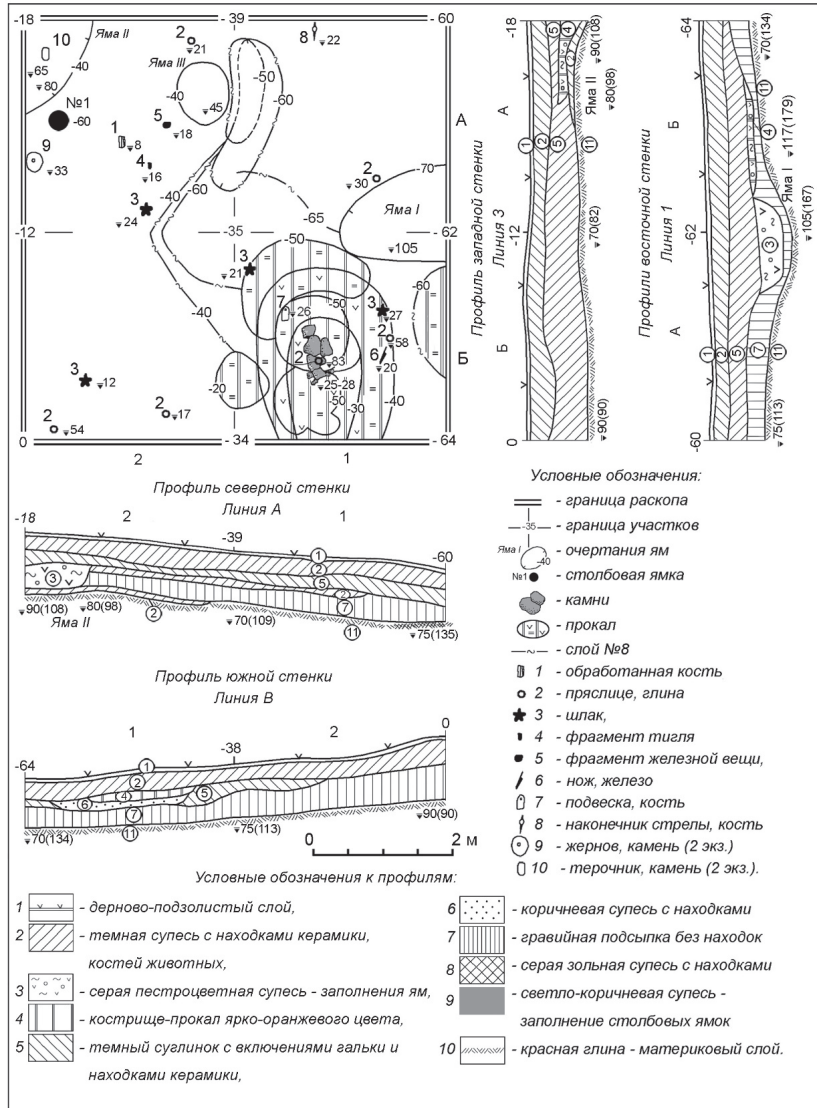

Рис. 2. Сандиякское городище. Общий план и профили раскопа.

Условные обозначения к слоям

Fig. 2. Sandiyak hillfort. The general plane and profiles excavation. Symbols for layers

Стратиграфия (рис. 2). Поверхность объекта задернована (слой № 1). Под дерном располагалась темная супесь с находками керамики, костей животных (слой № 2), мощ-

ностью до 50 см; слой № 3 — серая пестроцветная супесь — заполнение ям, вероятно, хозяйственного назначения; слой № 4 — кострище, прокал ярко-оранжевого цвета, толщиной от 10 до 30 см; слой № 5 — светлая супесь с включениями гравия, находками керамики, мощностью 10–60 см; слой № 6 — коричневая супесь с находками, толщина слоя 5–12 см; слой № 7 — гравийная подсыпка без находок, мощностью до 10–50 см; слой № 8 — серая зольная супесь с находками керамики, костей животных, толщиной до 35 см; слой № 9 — светло-коричневая супесь — заполнение столбовой ямки; слой № 10 — материк — красная глина.

На вскрытой площади были обнаружены: часть производственного сооружения, состоящего из очага; два прокала, три хозяйственные ямы, столбовая ямка (рис. 2).

Очаг округлой формы (уч. Б/1, рис. 2) размерами 175×100 см, овальной формы, на уровне 30 см. На глубине 25–28 см найдена каменная кладка в северо-западной половине. На уровне 40 см слой изменил свои очертания, увеличился до размеров 250×195 см. Мощность очага достигала 12 см. Около очага были найдены кости животных и фрагменты лепной керамики на глубине 30 см. На глубине 50 см под очагом были зафиксированы три прокаленные площадки, две из которых округлой формы, размерами 100×105 см, 90×100 см, третья — овально-вытянутой формы, размерами 90×85 см, мощностью до 12 см. С западной стороны к очагу примыкает прокал округлой формы, размерами 72×80 см, мощностью до 8 см. Восточнее очага зафиксирована западная часть прокала овальной формы размерами 160×40 см, мощностью до 15 см.

Яма I (уч. АБ/1, рис. 3.-1). В раскопе отмечена западная половина ямы на уровне 70 см, имеет овальную форму, ориентирована на запад — восток, размеры 183×134 см. Стенки ямы наклонные, дно уплощенное. В заполнении — слой № 3 (серая пестроцветная супесь) мощностью 35 см. В яме найдено 127 экземпляров глиняной посуды бахмутинского облика, из них 13 обломков от верхних частей сосудов, 114 стенок, 86 из них имеют орнамент. Посуда украшена беспорядочно нанесенными наколами, которые иногда организованы в два горизонтальных ряда. Единичен фрагмент керамики, украшенный овальными насечками и горизонтальной «елочкой». В составе ФМ (формовочных масс) встречена мелкая галька, шамот, реже обломки раковин пресноводных моллюсков. По общим пропорциям сосуды представляют собой невысокие чаши с прямой (средней, ниже средней по высоте) шейкой и плавным переходом к тулову. В южной и западной частях ямы обнаружены кости животных, кальцинированные косточки. Максимальная глубина — 105 см.

Яма II (уч. АБ/1, рис. 3.-2). Юго-восточный край ямы обнаружен в северо-западной части раскопа на глубине 40 см. Ориентирована на север — юг. Размеры 125×95 см. Стенки наклонные, дно — плоское. Заполнение — серая пестроцветная супесь (слой № 3) мощностью до 40 см. Находок в яме нет. Максимальная глубина — 80 см.

Яма III (уч. А/2, рис. 3.-3) имеет овальную форму, размеры 90×65 см, отмечена на глубине 40 см. В заполнении — серая пестроцветная супесь (слой № 3) мощностью 5 см. Стенки наклонные, дно плоское. На уровне 40–43 см в северной и южной частях найдены фрагменты керамики — 12 экз., бахмутинского облика, толщина стенок составляет 0,4–0,6 см. Максимальная глубина слоя — 45 см.

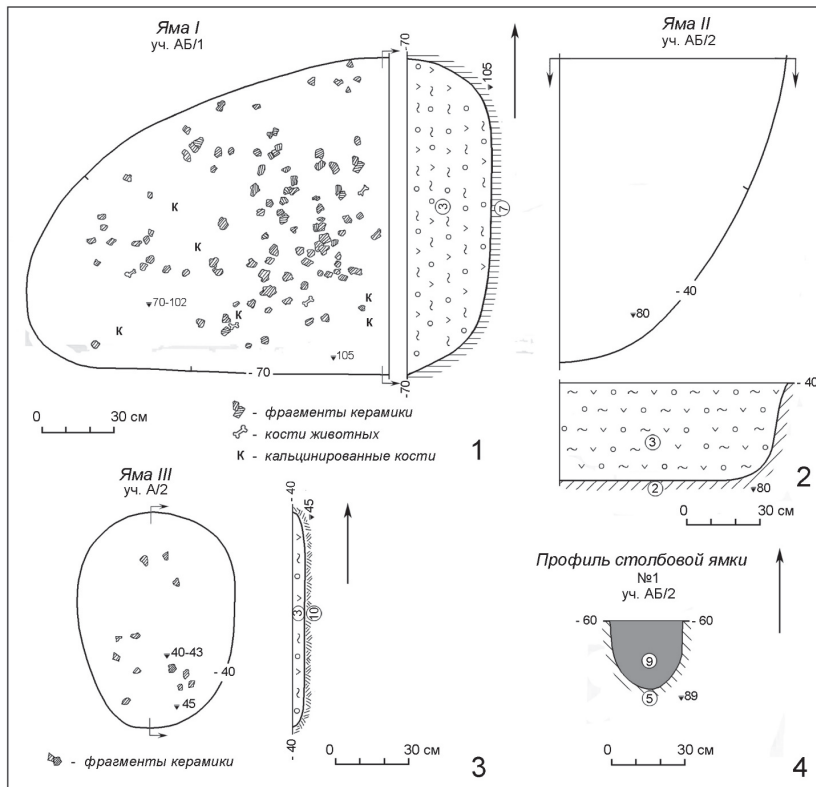

Рис. 3. Сандиякское городище. Сооружения: 1–3 – ямы; 4 – профиль столбовой ямки
 Fig. 3. Sandiyak hillfort. Structures. 1–3 – Household pits; 4 – Profile of post hole

Слой № 8 (серая зольная супесь с находками керамики, костей животных) (рис. 2) фиксирован на уровне –40 см в центральной части раскопа в направлении с севера на юг. Мощность его составляла до 20 см.

Столбовая ямка отмечена в северо-западной части раскопа (рис. 3.-4) на уровне 60 см, имеет круглую форму, диаметр 30 см. Заполнение — светло-коричневая супесь (слой № 9), мощность 29 см. Стенки отвесные, дно округлое. Максимальная глубина — 89 см.

В юго-восточной части раскопа найден очаг размерами 295×200 см, с каменной кладкой на глубине 25–28 см (рис. 2).

Вещевой комплекс городища включал наконечник стрелы, кость (рис. 4.-2); обработанная кость, возможно, рукоять для мелких орудий труда (рис. 4.-3); нож, железо (рис. 4.-4); подвеска, кость (рис. 4.-5). Остатки металлургического производства представлены обломком тигля (рис. 4.-1) и кусочками шлаков — 4 экз. Пряслица выполненные из глины (рис. 5.-1–5) — 5 экз. имеют диаметр от 3 до 4 см, биконическую (рис. 5.-1), овальную (рис. 5.-2–5) форму. Обнаружен полуфабрикат, представляющий собой стенку от глиняного сосуда, которая частично обработана по периметру, вероятно, в дальнейшем она могла использоваться для изготовления пряслица (рис. 5.-6). Предметы были найдены в основном на горизонте 20–30 см.

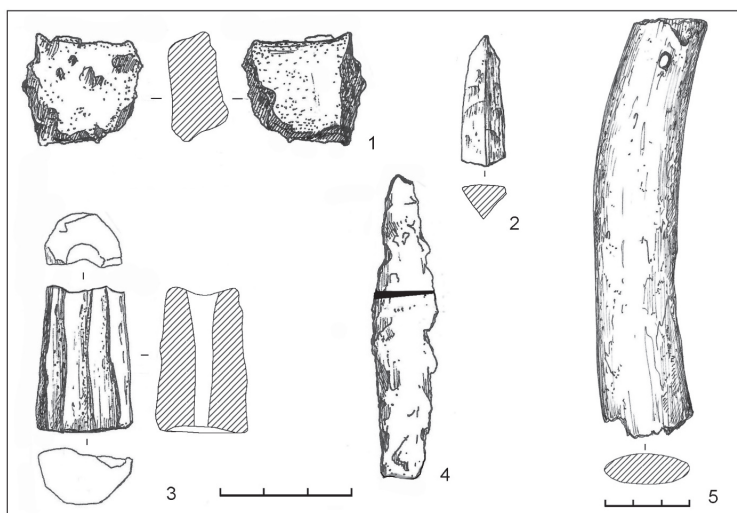

Рис. 4. Сандиякское городище. Вещевой комплекс: 1 – наконечник стрелы, кость; 2 – тигель, фрагмент; 3 – обработанная кость (рукоять); 4 – нож, железо; 5 – подвеска, кость
 Fig. 4. Sandiyak hillfort. A set of things: 1 – arrowhead, bone; 2 – crucible, part;
 3 – processed bone (handle); 4 – knife, iron; 5 – pendent, bone

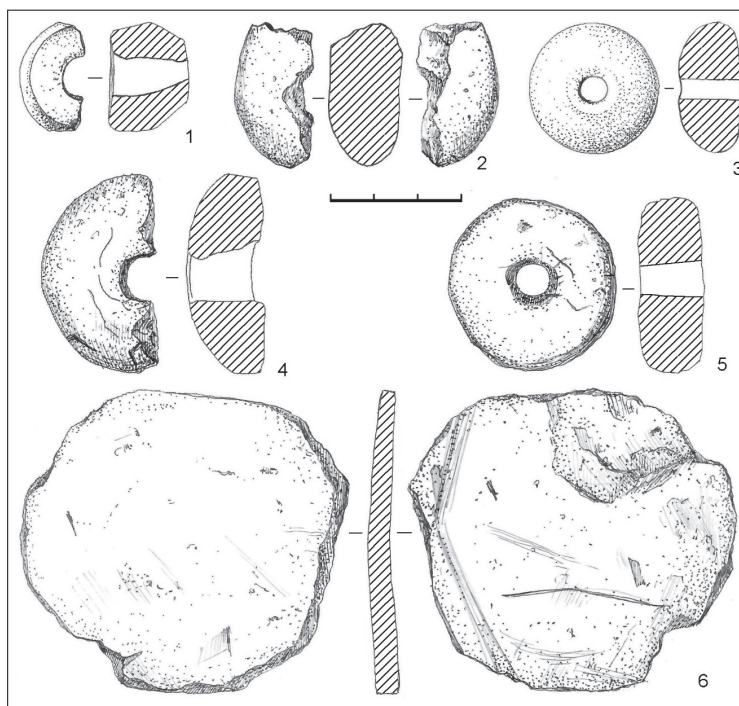

Рис. 5. Сандиякское городище: 1–5 – пряслица, глина; 6 – заготовка для пряслица, керамика
 Fig. 5. Sandiyak hillfort: 1–5 – spindle ware, clay; 6 – semi-finished product for spindle ware, pottery

Предметы, связанные с орудиями труда для земледелия: жернов, камень (рис. 6.-1, 2) — 2 экз.; терочник, камень (рис. 6.-3, 4) — 2 экз. Оба жернова имеют высоту 8–10 см, диаметр в пределах 40 см, отверстие в центральной части, диаметром 5–6 см. Рабочая поверхность предметов имеет следы «стертости». Каменные терочники овальной формы, размером 16–21,5×12,2–13 см (рис. 6.-3, 4), одна поверхность из которых заполирована, что является результатом использования. Жернова, подобные найденным на городище, обнаружены в Кара-Тамакском могильнике IV–V вв. н. э. (Бураевский район, Республика Башкортостан) бахмутинской культуры [Мажитов, 1977: 137, рис. 18.3].

Глиняные пряслица и каменные жернова характерны для Прикамского региона раннего средневековья [Останина, 2018: 269].

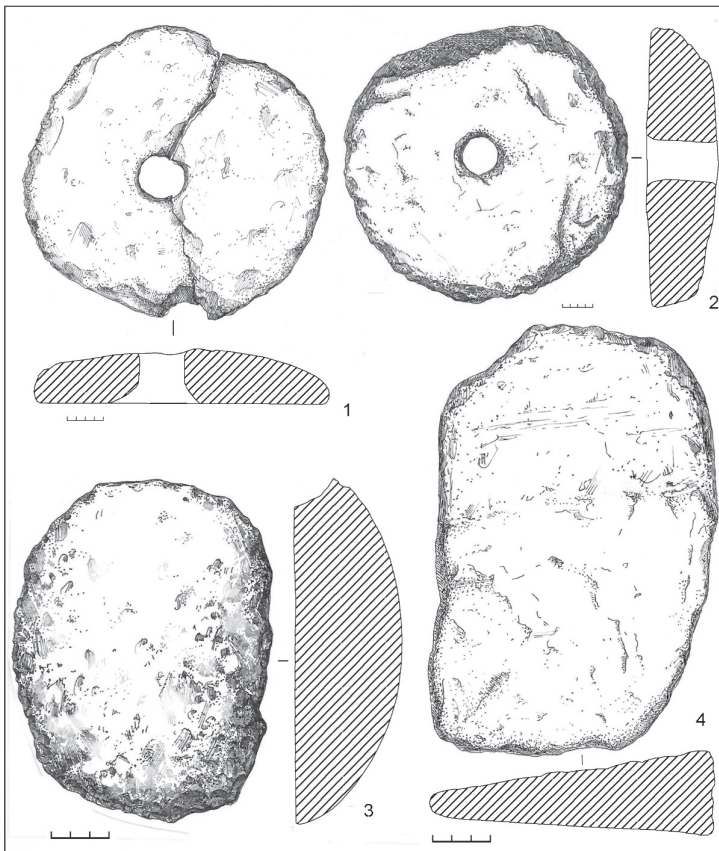

Рис. 6. Сандиякское городище: 1–2 – жернова, камень; 3–4 – терочники, камень
 Fig. 6. Sandiyak hillfort: 1–2 – mill-stone; stone; 3–4–grind-stone, stone

В ходе изучения культурного слоя на городище была получена остеологическая коллекция. Видовой состав костей изменяется незначительно и не зависит от расположения в слое. Фауна представлена домашними и дикими животными. В выборке (определено 44 костных остатка) отмечены кости свиньи (*Sus scrofa*) — 10, коровы

(*Bos taurus*) — 11, лошади (*Equus caballus*) — 2. Среди диких пушных особей самым распространенным является обыкновенный бобр (*Castor fiber*) — 9, заяц (*Lepus*) — 5, лось (*Alces alces*) — 5. Зафиксированы два вида птиц: глухарь (*Tetrao urogallus*) и тетерев (*Lyrurus tetrix*) (?). По площади раскопа и глубине залегания остатки животных распределены неравномерно. Распределение костных остатков по горизонтам поселения позволяет сделать вывод о преобладании слоя с костями на уровне 20–30 и 30–40 см. Картографирование костей на площади раскопа в объектах выявило следующую закономерность. В яме I найдена кость свиньи, в яме II — бобра, зуб лося, КРС. По количественному и видовому соотношению кости распределяются с преобладанием костей бобра и парнокопытных животных.

По мнению Е. Г. Андреевой и А. Г. Петренко, бобр «...очевидно, имел особое значение в экономике обитателей городища, являясь главным пушным зверем в торговле с югом» [Андреева, Петренко, 1976: 150]. В целом, результаты изучения костей городища коллекции 1987 г. соотносятся с видовым составом, определенным учеными ранее [Андреева, Петренко, 1976: 150–151; Поносова, 1968: 109–110]. Аналогичен видовой состав костей животных отмечен на городище Уфа II [Романов, 2013: 54–55].

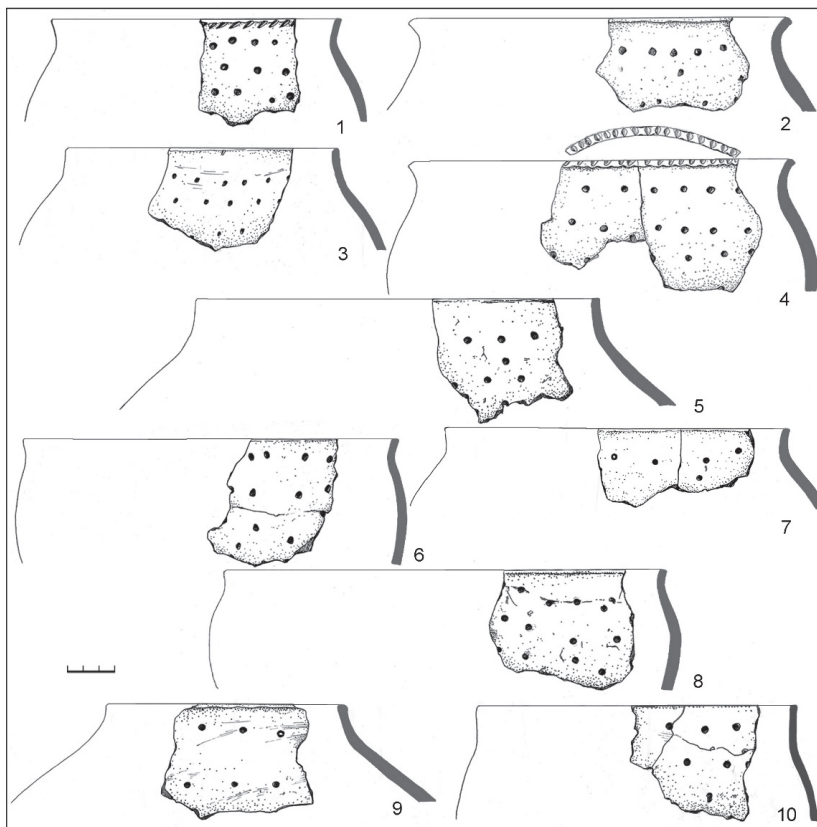

Рис. 7. Сандиякское городище. Керамика бахмутинской культуры

Fig. 7. Sandiyak hillfort. Pottery of Bakhmutino culture

Общая характеристика гончарства (рис. 7–10)

Лепная посуда представлена в основном стенками орнаментированных сосудов. Кроме того, найдено несколько фрагментов днищ, происходящих от сосудов с уплощенным и плоским дном. Часть керамики ошлакована, что свидетельствует о том, что она испытала влияние высоких температур, оказавшись вторично в зоне огня.

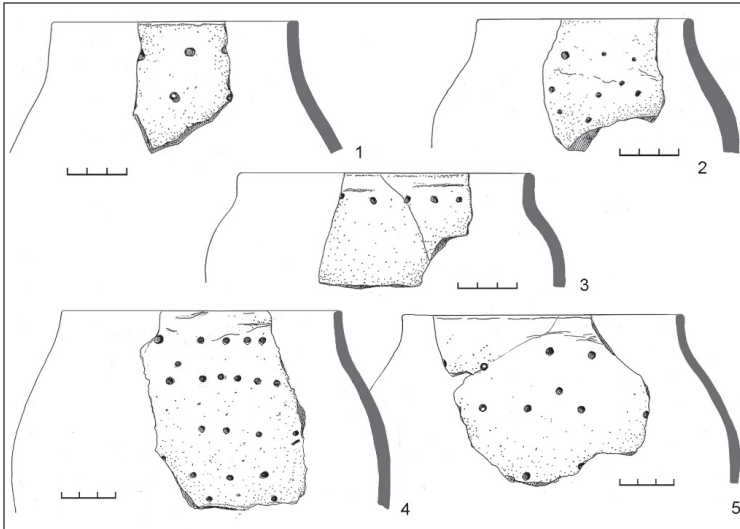

Рис. 8. Сандиякское городище. Керамика бахмутинской культуры
 Fig. 8. Sandiyak hillfort. Pottery of Bakhmutino culture

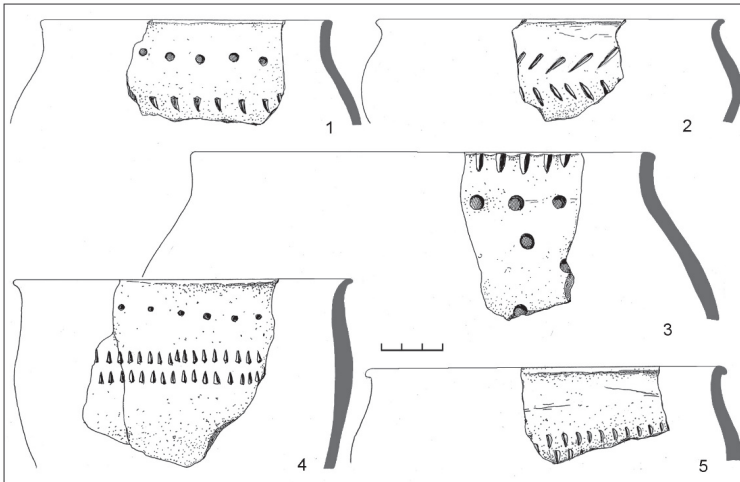

Рис. 9. Сандиякское городище. Керамика бахмутинской культуры
 Fig. 9. Sandiyak hillfort. Pottery of Bukhmutino culture

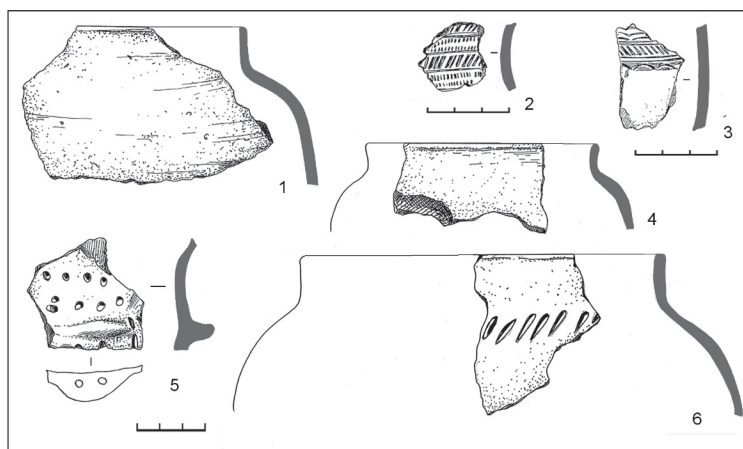

Рис. 10. Сандиякское городище: 1, 4–6 – подражание керамике кушнаренковского типа;
2–3 – керамика кушнаренковского типа

Fig. 10. Sandiyak hillfort: 1, 4–6 – imitation ceramics of the Kushnarenkovo type;
2–3 – pottery of Kushnarenkovo type

Морфология посуды. Форма верхней части керамики восстанавливается у 50 сосудов. Полностью реконструировать сосуды удалось в 10 случаях, что позволило выделить три категории сосудов по общим пропорциям: чаши (рис. 7.-4, 8), горшки (рис. 8.-1, 4; 9.-4), миски (рис. 9.-2). Учитывая закономерности сочетания формы и орнамента, данная типология была дополнена фрагментами керамики, форма которых сохранилась от края (горловины) до наибольшего расширения тулова, а также фрагментами шеек с орнаментом. Форма восстанавливается только у сосудов бахмутинской культуры, которые составляют 97% всей керамики памятника; лишь 3% принадлежит посуде кушнаренковского типа.

Морфология, размер, орнамент (выполнен одним орнаментиром, имеющим одинаковый диаметр), формовочные массы (ФМ) бахмутинской керамики позволяют предполагать ее изготовление не только в пределах поселения, но и, возможно, одними мастерами. Подобная версия была высказана на материалах керамики фатьяновской культуры [Волкова, 1998: 38]. В Сандиякском городище насчитывается 10 одинаковых сосудов по форме и ФМ (рис. 7.-1, 4; 5, 9; 6, 8; 8.-4, 5; 10.-1, 6), вероятно, являющихся результатом труда одного мастера в пределах городища, имеющих комплекс признаков (форма, орнамент, формовочная масса, инструмент для нанесения узора).

Бахмутинская керамика (рис. 7.-9). Морфология сосудов представлена фрагментами верхних частей сосудов. При изучении формы сосуда и орнамента были установлены определенные закономерности. Для мисок характерны горизонтальные ряды треугольных вдавлений (рис. 9.-2), для чаш (рис. 9.-1) и горшков (рис. 9.-4) — орнаментация сочетанием горизонтального ряда ямок и треугольных вдавлений (рис. 9.-1, 4) в верхней части сосуда.

Керамика кушнаренковского типа. Посуда представлена фрагментами: обломок от верхней части (рис. 10.-2) и стенки (рис. 10.-3) сосудов, оба фрагмента происходят с горизонта 20–30 см. Фрагменты небольшие по размеру, покрыты орнаментом: горизонтальные прочерченные линии, короткие вертикальные резные линии, «гусенички». «Гусенички» нанесены с обеих сторон среза шейки (рис. 10.-2). Керамика содержит песок, имеет тщательно заглаженные поверхности. Орнамент в виде «гусенички» бытовал в определенный период (вторая половина VI–VII в.), что известно, например, по материалам Благодатского I городища в южной Удмуртии [Казанцева, Ютина, 1986: 119, рис. 2]. Малое число керамики такого типа в Сандиякском городище можно объяснить редкими контактами населения памятника с носителями такой керамики или импортом изделий. Кроме того, в слое с керамикой кушнаренковского типа встречена посуда (рис. 10.-1, 4) не имеющая орнамента, по сходная с ней по обработке поверхностей и ФМ. В одном случае зафиксирован орнамент, характерный для бахмутинской керамики, в виде наколов по линии перехода шейки в плечико (рис. 10.-6). По форме посуда имеет также сходство с керамикой Ново-Турбаслинских курганов южного Урала [Мажитов. 1977: 49, 208, табл. IX-6]. Возможно, посуда является подражанием местных мастеров керамике кушнаренковского типа, но в условиях смешения населения памятника, не освоившего еще навыки орнаментации керамики.

Орнамент бахмутинской керамики. По статистике в коллекции орнаментировано 84% керамики. Самым распространенным оформлением посуды являются беспорядочные наколы по поверхности посуды. Другим часто встречающимся орнаментом являются горизонтальные наколы — ямки, от двух до пяти рядов. Данный орнамент встречается практически во всех горизонтах памятника. Единичны круглые ямочные парные наколы. Резной узор представлен горизонтальной «елочкой», наклонными рядами насечек, рядами треугольных вдавлений в сочетании с горизонтальным рядом ямок, рядом четырёхугольных вдавлений.

Стилистический и технологический анализы керамики были выполнены по методике Е. В. Волковой, которая выделяет в орнаменте четыре структурных уровня: элемент, образ, мотив и композиция [Волкова, 1998: 6, 36–43]. Для исследования из коллекции керамики было выбрано 29 фрагментов, имеющих орнамент и возможность восстановления полного рисунка на сосуде. Диаметр круглых вдавлений — от 0,3 до 0,8 см. В ФМ визуально определяется примесь шамота, реже толченой раковины и песка. Исследование проводилось с учётом стратиграфии памятника, что позволило отметить и выделить наиболее насыщенные керамикой пласты. В материалах Сандиякского городища было выделено две группы элементов на керамике: ямки и вдавления. Наиболее распространенными являются круглые вдавления, отмечены также треугольные и овальные оттиски. Часты насечки в оформлении края сосуда (рис. 7.-1, 4; 9.-3). Вторым структурным уровнем является образ — набор элементов. В керамике городища было выделено 17 образов, среди них самую многочисленную группу составляют круглые вдавления (около 20%), что позволяет говорить о массовом применении этого образа. Наиболее насыщенными такой керамикой являются горизонты 10–20, 20–30 см.

Мотив образов — это организация образов. Отмечены 33 мотива образов, делящихся на 14 групп. В итоге, 75% мотивов имеют расположение ямок в один ряд и лишь

в одном случае (3%) — шахматное расположение. Наиболее насыщенным по-прежнему является горизонт 20–30 см.

Следующий уровень — «композиция». Это организация мотивов на керамике. В материалах представлено 23 различные композиции. Из них 16% составляет композиция вертикальных косых насечек по краю сосуда; 8% — треугольные вдавления. Остальные композиции (горизонтальная «елочка» и др.) составляют 4%. Выделим горизонт 10–20 см как самый насыщенный бахмутинской керамикой.

Стилистически орнамент на сосудах практически одинаков на уровне образа и мотива — «ямки в один ряд». На уровне композиции анализируемые сосуды индивидуальны. Выделим технологическую орнаментальную традицию — орнамент наносился мастером с помощью инструментов в виде палочки, отличающихся определенным диаметром. Стратиграфически керамика фиксировалась в двух горизонтах (10–20 и 20–30 см).

Аналогии керамике Сандьякского городища имеются в материалах памятников Северной Башкирии [Мажитов, 1977: 39–77; Мухаметдинов, Фазрахманова, 2013: 60–65]. Бахмутинская посуда по материалам древних поселений Башкирии принадлежит местному населению. Одним из признаков сосудов является визуально определяемая учеными примесь дресвы и мелких галек к ФМ. Наличие шамота в ФМ керамики Сандьякского городища в технологическом плане решает ту же задачу — для повышения огнестойкости.

В памятниках южной Удмуртии была найдена аналогичная бахмутинской керамика, например, в материалах Верхне-Утчанского городища [Ютина, 1984: 57–58]. Ее наличие Т.К. Ютина связывает с одним из миграционных потоков населения на территорию Удмуртии из районов северо-восточной Башкирии [Ютина, 2017: 1201]. Истоки происхождения глиняных сосудов бахмутинской керамики находим в гончарстве предшествующих местных пермских племен Прикамья. Например, морфология керамики характерна для посуды мазунинской культуры [Останина, 2018: 285, рис. 9.-1, 4, 11]. Отметим архаичные находки, например, обломок стенки сосуда с ручкой в виде выступа с двумя вертикальными отверстиями, покрытый рядами ямок (рис. 10.-5), имеющий аналогии среди предметов селища Такталачук (бассейн реки Белой) середины I тыс. н. э [Генинг, 1971: 116, 117, рис. 10.-1].

Заключение

Фортификация городища (одна из заметных высот в ландшафте), основные занятия (земледелие, охота, гончарство), материальная культура его обитателей свидетельствуют о том, что памятник принадлежал смешанному населению. Материалы объекта позволяют обозначить путь миграций населения из северо-восточной Башкирии в Пермское Предуралье, фиксируемые в гончарстве в середине I тыс. н. э. В основном орнамент на керамике имеет четкую организацию на сосуде. Самыми насыщенными керамикой являются три горизонта: 10–20, 20–30, 30–40 см. На памятнике количественно преобладает бахмутинская керамика, единичны фрагменты керамики кушнарниковского типа. Кроме того, отмечено сходство керамики кушнарниковского типа с посудой без орнамента (рис. 10.-1, 4) по ФМ, совместному залеганию в слое позволяет предполагать, что посуда без орнамента могла быть выполнена гончарами Сандьякского городища в подражание богато украшенной керамике кушнарниковского типа.

Очевидны различие и сходство сандиякской керамики с бахмутинской посудой памятников территорий северной Башкирии и южной Удмуртии. В состав ФМ гончары северной Башкирии добавляли дресву, тогда как мастера Сандиякского и Верхне-Утчанского городищ использовали шамот, толченую раковину, реже песок. Эти традиции составления ФМ, безусловно, связаны с разными группами древнего населения.

В морфологии сосудов, как на Сандиякском городище, так и на памятниках в Удмуртии, Башкирии, распространены невысокие чаши со слегка отогнутым наружу краем и средней ширины диаметром горла. На всех упомянутых памятниках с указанных территорий орнамент на керамике имеет общие черты. Самыми распространенными из них являются кругло-ямочные наколы, треугольные и овальные вдавления. Но на сандиякской керамике отсутствует орнаментация ногтевыми вдавлениями, что фиксируется на верхнеутчанской и северобашкирской посуде, что, вероятно, является локальной особенностью гончарства населения. Для керамики бахмутинской культуры характерны насечки по краю сосуда различной формы, беспорядочные кругло-ямочные наколы по всему тулову. Несмотря на указанные различия, можно утверждать, что керамику Сандиякского городища и поселений северной Башкирии создали гончары бахмутинской культуры.

Городище расположено в контактной зоне Среднего Прикамья, в которой взаимодействие населения (северо-восточная часть Башкирии и юга Пермского края) было активным в середине I тыс. н. э. Вполне возможно, что населением городища были группой людей, смешанных в этнокультурном плане к моменту проникновения на прикамскую территорию из Северной Башкирии, а затем ассимилировавшихся в местной древнепермской среде.

Хозяйственный инвентарь, обнаруженный на памятнике, имеет широкие хронологические рамки бытования IV–VIII вв. В пользу второй половины VI–VII вв. свидетельствуют элементы орнамента на керамике кушнаренковского типа, следовательно, дата памятника — IV–VIII вв.

Благодарности

Н. Ф. Шишкиной (ведущий художник кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии Института истории и социологии Удмуртского государственного университета, Ижевск) за подготовку иллюстраций к статье, А. Г. Меньшикову (заведующий учебным кабинетом палеонтологии и зоологии Института естественных наук Удмуртского государственного университета, Ижевск) за работу с остеологической коллекцией Сандиякского городища 1987 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Андреева Е. Г., Петренко А. Г. Древние млекопитающие по археозоологическим материалам Среднего Поволжья и Верхнего Прикамья // Из археологии Волго-Камья. Казань, 1976. С. 137–189.

Богданов А. В. Отчет о разведочных работах, проведенных в Пермском крае в 2008 г. (Кишертский, Куединский, Ординский, Суксунский и Уинский районы). Т. I (текст) // Архив ИИКНП УдГУ. Ижевск, 2009а. Ф. 2. Д. 504. 157 с.

Богданов А. В. Отчет о разведочных работах, проведенных в Пермском крае в 2008 г. (Кишертский, Куединский, Ординский, Суксунский и Уинский районы). Т. II. Ч. 2 (графические приложения) // Архив ИИКНП УдГУ. Ижевск, 2009б. Ф. 2. Д. 504. 548 с.

Волкова Е. В. Керамика Волосово-Даниловского могильника фатьяновской культуры как исторический источник. М. : Старый сад, 1998. 259 с.

Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. II: Археологические памятники Чегандинской культуры III в. до н. э. — II в. н. э. // ВАУ. Вып. 11. Свердловск ; Ижевск, 1971. 156 с.

Казанцева О. А. Отчет о работах в Бардымском и Куединском районах Пермской области в 1987 году // Архив ИА РАН. Р-1, № 12210. 215 л.

Казанцева О. А., Ютина Т. К. Керамика кушнаренковского типа Благодатского I городища // Приуралье в древности и средние века. Устинов, 1986. С. 110–129.

Колонских А. Г. Укрепленные поселения бахмутинской культуры: новые данные // История и педагогика естествознания. 2021. № 3–4. С. 56–60.

Мавликаева А. С. Информация 2021 г. Архив автора статьи.

Мажитов Н. А. Южный Урал в VII–XIV вв. М. : Наука, 1977. 240 с.

Матвеева Н. П. К вопросу о контактах Урало-Западносибирского населения со Средней Азией в раннем средневековье (по материалам керамических коллекций) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2021. Т. 49. № 1. С. 68–77.

Матвеева Н. П., Зеленков А. С. О западносибирских инвазиях в Приуралье в эпоху Великого переселения народов // Вестник Пермского ун-та. История. 2018. Вып. 1 (40). С. 71–85.

Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. IV: Талицкая И. А. Материалы к археологической карте бассейна р. Камы (по данным, собранным М. В. Талицким) // МИА. М., 1952. № 27. 226 с.

Мухаметдинов В. И., Фазрахманова А. К. К проблеме выделения культурных горизонтов на городище Уфа-II (по данным анализа распределения в слое бахмутинской керамики) // Урал и просторы Евразии сквозь века и тысячелетия: научные публикации, посвященные 80-летию юбилею Н. А. Мажитова. Уфа : РИЦ БашГУ, 2013. С. 60–65.

Останина Т. И. Удмуртский вариант именковской культуры: итоги изучения и особенности // Археология евразийских степей. 2018. № 1. С. 257–292.

Памятники истории и культуры Пермской области. Пермь : Кн. изд-во, 1976. 218 с.

Памятники истории и культуры Пермской области (материалы к археологической карте Пермской области). Т. I. Пермь: Арабеск, 1996. 299 с.

Петрова-Нуриева Г. Сандияк кар // Кенеш. 2009. № 11–12. С. 28–29.

Поносова И. С. Отчет об археологических работах в Кунгурском и Куединском районах Пермской области в 1963 году // Архив ИА РАН. Ф. р-1. Д. 2668. 88 л.

Поносова И. С. Раскопки Сандиякского городища бахмутинской культуры в 1963–64 гг. // Ученые записки ПГУ. 1968. № 101. С. 99–110.

Попов И. С. О городищах Осинского уезда // Пермский краеведческий сборник. Пермь: Типография Райпотребсоюза, 1924. Вып. 1. С. 91–92.

Романов А. А. Результаты изучения остатков животных из культурного слоя городища Уфа-II по материалам раскопок 2011–2012 годов // Урал и просторы Евразии сквозь

века и тысячелетия: научные публикации, посвященные 80-летию юбилею Н. А. Мажитова. Уфа : РИЦ БашГУ, 2013. С. 54–55.

Шмидт А. В. Археологические изыскания Башкирской экспедиции АН СССР. Хозяйство Башкирии. Уфа, 1929. 28 с.

Ютина Т. К. Исследования 1980 г. на Верхне-Утчанском городище в Южной Удмуртии // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1984. С. 53–66.

Ютина Т. К. Культурные контакты населения Южной Удмуртии в эпоху средневековья // V (XXI) Всеросс. съезд (2–7 октября 2017 г., Барнаул). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2017. С. 1201–1202.

REFERENCES

Andreeva E. G., Petrenko A. G. Drevnie mlekopitaiushchie po arkheozoologicheskim materialam Srednego Povolzh'ia i Verkhnego Prikam'ia [Ancient mammals based on archaeozoological materials of the Middle Volga and Upper Kama]. *Iz arkheologii Volgo-Kam'ia* [From the archaeology of the Volga-Kama]. Kazan', 1976, pp. 137–189 (in Russian).

Arkhiv Instituta istorii i kul'tury narodov Priural'ia UdGU [Archive of Institute of History and Culture people of PreUrals]. Vol. I. Izhevsk, 2009a. Fund 2. File 504. 157 p. (in Russian).

Arkhiv Instituta istorii i kul'tury narodov Priural'ia UdGU [Archive of Institute History and Culture people of PreUrals]. Vol. II. Izhevsk, 2009b. Fund 2. File 504. 548 p. (in Russian).

Arkhiv Instituta arkheologii RAN [Archive of Institute of Archaeology RAN]. Fund r-1, File 2668. 88 p. (in Russian).

Arkhiv Instituta arkheologii RAN [Archive of Institute of Archaeology RAN]. Fund R-1, File 12210. 215 p. (in Russian).

Gening V. F. Istoriia naseleniia Udmurtskogo Prikam'ia v pianoborskuy epokhy. Chast' II. Arkheologicheskie pamiatniki Chegandinskoi kul'tury. Part II [The history of the population of the Udmurt Kama region in the Pyanobor era. Part II. Archaeological monuments of the Chegandinskaya culture of the III century BC–II century AD.]. *Voprosu arkheologii Urala* [Questions of the archaeology of the Urals]. Vyp. 11. Sverdlovsk. Izhevsk, 1971. 156 p. (in Russian).

Iutina T. K. Issledovaniia 1980 g. na Verkhne-Utchanskom gorodishche v Iuzhnoi Udmurtii [Investigation of Verkh Utchan settlement of South Udmurtia in 1980]. *Pamiatniki zheleznogo veka Kamsko-Viatskogo mezhdurech'ia* [Sites of Iron Age Kama-Vyatka River]. Izhevsk, 1984, pp. 53–66 (in Russian).

Iutina T. K. Kul'turnye kontakty naseleniia Iuzhnoi Udmurtii v epokhu srednevekov'ia [Cultural contacts of population south Udmurtia in epoch Medieval Ages]. *V (XXI) Vseross. s'ezd (02–07 oktiabria 2017 g., g. Barnaul)* [Vserossiyskiy arkheologicheskiy syezd: Sbornik nauch. tr.]. Barnaul: Altaiskii Gos. Univ., 2017, pp. 1201–1202 (in Russian).

Kazantseva O. A., Iutina T. K. Keramika kushnarenkovskogo tipa Blagodatskogo I gorodishcha [Pottery of Kushnarenkovo type of settlement Blagodatskoe I]. *Priural'e v drevnosti i srednie veka* [PreUrals in ancient and Medieval Ages]. Ustinov: Udmurt. Gos. Univ., 1986, pp. 110–129 (in Russian).

Kolonskikh A. G. Ukreplennye poseleniia bakhmutinskoi kul'tury: novye dannye [Fortified settlements of the Bakhmutin culture: new data]. *Istoriia i pedagogika estestvoznaniia* [History and pedagogy of natural science]. 2021. № 3–4, pp. 56–60 (in Russian).

Materialy i issledovaniia po arkheologii Urala i Priural'ia. T. IV. Talitskaia I. A. Materialy k arkheologicheskoi karte basseina r. Kamy (po dannym sobrannum M. V. Talitskaim) [Materials and research on the archaeology of the Urals and the PreUrals. Vol. IV. Materials to the archaeological map basin Kama River]. MIA. Moscow, 1952, no 27, 226 p. (in Russian).

Matveeva N. P. K voprosu o kontaktakh Uralo-Zapadnosibirskogo naseleniia so Srednei Aziei v rannem srednevekov'e (po materialam keramicheskikh kollektcii) [On early Medieval contacts of the Urals and Western Siberia with Central Asia: the evidence of ceramics]. *Arkheologiiia, etnografiia i antropologiiia Evrazii* [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia]. 2021. Vol. 49, no 1, pp. 68–77 (in Russian).

Matveeva N. P., Zelenkov A. S. O zapadnosibirskikh invaziiakh v Priural'e v epokhu Velikogo pereseleniia narodov [About the West Siberian invasions in the Urals in the era of the Great Migration of peoples]. *Vestnik Permskogo universiteta* [Bulletin of the Perm university]. Istoriia. 2018. Vyp. 1 (40), pp. 71–85 (in Russian).

Mavlikaeva A. S. Informatsiia 2021 g. Information of 2021 g. *Arkchiv avtora stat'i* [Archive of author of the article] (in Russian).

Mazhitov N. A. Iuzhnyi Ural v VII–XIV vv. M.: Nauka, 1977. 240 p. (in Russian).

Mukhametdinov V. I., Fazrakhmanova A. K. K probleme vydeleniia kul'turnykh gorizontov na gorodishche Ufa-II (po dannym analiza raspredeleniia v sloe bakhmutinskoi keramiki) [To the problem settlement Ufa-II (on the data analysis cemetery)]. *Ural i prostory Evrazii skvoz' veka i tysiacheletii: nauchnye publikatsii, posviashchennye 80-letnemu iubileiu N. A. Mazhitova* [The Urals and the expanses of Eurasia through centuries and millennia: scientific publications dedicated to the 80th anniversary of N. A. Mazhitov]. Ufa: RITs BashGU, 2013, pp. 60–65 (in Russian).

Ostanina T. I. Udmurtskii variant imen'kovskoi kultury: itogi izuchenii i osobennosti [The Udmurt Variant of the Imen'kovo culture: the results of the study and features]. *Arkheologiiia evraziiskikh stepei* [Archaeology of the Eurasian Steppes]. 2018, no 1, pp. 257–292 (in Russian).

Pamiatniki istorii i kul'tury Permskoï oblasti [The sites of history and culture of Perm distrikt]. Perm', Kn. izd-vo, 1976. 218 p. (in Russian).

Pamiatniki istorii i kul'tury Permskoï oblasti (materialy k arkheologicheskoi karte Permskoi oblasti) [The sites of history and culture of Perm district (material to archaeological map of Perm district)]. T. I. Perm': Arabesk Publ., 1996. 85 p. (in Russian).

Petrova-Nurieva G. Sandiiak kar [The settlement Sandiyak]. *Kenesh* [Kenesh]. 2009, no 11–12, pp. 28–29 (in Russian).

Ponosova I. S. Raskopki Sandiiakskogo gorodishcha bakhmutinskoi kul'tury v 1963–64 gg [Excavation of Sandiyak settlement of Bachmutino culture in 1963–64]. *Uchenye zapiski PGU* [Scientific notes of Perm State University]. 1968, no 101, pp. 99–110 (in Russian).

Popov I. S. O gorodishchakh Osinskogo uezda [About the settlements of the Osinsky district]. *Permski kraevedcheski sbornik* [Perm regional history collection]. Perm': Tipografiia Raipotrebsoiuza, 1924. Vyp. 1, pp. 91–92 (in Russian).

Romanov A. A. Rezul'taty izucheniia ostatkov zivotnykh iz kul'turnogo sloia gorodishcha Ufa-II po materialam raskopok 2011–2012 godov [The results of the study of animal remains from the cultural layer of the Ufa-II settlement based on the materials of the 2011–2012 excavations]. *Ural i prostory Evrazii skvoz' veka I tysiacheletii: nauchnye publicatsii, posviashchye 80-letnemu iubileiu N. A. Mazhitova* [The Urals and the expanses of Eurasia through centuries and millennia: scientific publications dedicated to the 80th anniversary of N. A. Mazhitov. Ufa: RITs BashGU, 2013, pp. 54–55 (in Russian).

Shmidt A. V. Arkheologicheskie izuskaniia Bashkirskoi ekspeditsii AN SSSR. Khoziaistvo Bashkirii [Archaeological surveys of the Bashkir expedition of the USSR Academy of Sciences. Economy of Bashkiria]. Ufa, 1929. 28 p. (in Russian).

Volkova E. V. *Keramika Volosovo-Danilovskogo mogil'nika fat'yanovskoi kyul'tury kak istoricheskii istochnik* [Pottery of Volosovo-Danilovsky cemetery of Fatyanovo culture as a historical source]. Moscow.: Staryi sad Publ., 1998. 259 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 28.04.2023

Принята к публикации: 10.09.2023

Дата публикации: 12.12.2023